

Николай Алексеевич Мельников (06.03.1966 – 24.05.2006) родился в селе Лысье Брянской области. Служил в армии. В 1990 году окончил Институт театрального искусства им. А.В. Луначарского. Актер. Режиссер. Член Союза писателей России. Лауреат кинофестиваля «Золотой Витязь» (1993 г.). Лауреат литературной премии «Соловьёв, соловьи...» им. А.Фатьянова. Автор книги «Русский Крест», «Обреченные на свет», известных песен «Поле Куликово», «Поставьте памятник деревне». Жил и работал в Москве.

ПОСТАВЬТЕ ПАМЯТНИК ДЕРЕВНЕ
Поставьте памятник деревне
На Красной площади в Москве.
Там будут старые деревья,
Там будут яблоки в траве.
И покосившаяся хата
С крыльцом, рассыпавшимся в прах,

**Николай
МЕЛЬНИКОВ**

И мать убитого солдата
С позорной пенсией в руках.

И два горшка на чastoколе,
И пядь неспашанной земли,
Как символ брошенного поля,
Давно лежащего в пыли.
И пусть поёт в тоске и боли
Непротрезвевший гармонист
О непонятной «русской доле»
Под тихий плач и ветра свист.

Пусть рядом робко встанут дети,
Что в деревнях еще растут,
Наследство их на белом свете –
Всё тот же чёрный, рабский труд.
Присядут бабы на скамейку,
И всё в них будет, как всегда, –
И сапоги, и теплогрейки,
И взгляд потухший... в никуда.

Поставьте памятник деревне,
Чтоб показать хотя бы раз
То, как покорно, как безгневно
Деревня ждёт свой смертный час.
Ломали кости, рвали жилы,
Но ни протестов, ни борьбы!
Одно лишь «Господи, помилуй!»
И вера в праведность судьбы.

Поставьте ж памятник в деревне!
На Красной площади в Москве!
Там будут старые деревья,
И будут яблоки в траве.
1995 г.

ПОЛЕ КУЛИКОВО
Высока ковыль-трава поля Куликова,
Будто нам для вечных снов
выстелен ковёр...
Покидая отчий дом, мы давали слово:
– Лучше встретить смерть в бою,
чем нести позор!

Скоро поле тишины станет полем брани,
Скоро ночь уйдёт долой, унося туман,
Скоро копыа зазвенят
в чужеземном стане,
И взовьётся в синеву – зная у славян!

Исчерпалось до конца русское терпенье,
Встанем, братья, в полный рост
на земле родной!
Не впервой нам принимать
ратное крещение
И из пепла воскресать – тоже не впервой!

Наша слабость – наша рознь –
в прошлом остаётся,
Путь раздоров и обид
мы прошли сполна...
Упаси нас впредь, Господь,
меж собой бороться,
Коли Родина одна нам навек дана!

Пусть поможет острый меч,
да скакун крылатый,
Не скорбите ни о чём в этот светлый час!
С нами Бог! За нами Русь!
Наше дело свято!
Кто останется в живых –
тот помянет нас...
1992 г.

ЕДИНЕНИЕ
Единения нет, всё призывы,
но нет единения,
славословья себе, а каменья –
в чужой огород.

О спасенье кричим,
но не будет нам грешным спасенья,
Если мы для себя
не единый великий народ!

Единения нет,
каждый сам по себе выживает:
Кто торгует, кто спит,
кто ворует, кто горькую пьёт,

И не знает никто,
что нас всех впереди ожидает,
И воскликнуть не смеет:
«Мы русский, единый народ!».

Русаки, русаки...
знать, мы всё про себя позабыли,
Коль при слове Отчизна
сильнее сердца не стучат,
Коль на наших глазах
басурмане наш дом разорили
И совсем по-хозяйски
нерусские речи звучат!

Единения нет,
единение – только от Бога,
Значит, надо просить,
и молитвой заполнить сердца,
Чтобы зная – одно,
чтоб одна для народа дорога,
Чтобы Вера одна,
чтобы Правда одна, до конца!

Внуки гордых славян!
Не стыдитесь упасть на колени –
Перед взором Христа,
перед взорами предков упасть!
И молить об одном –
Единенья хотим, Единенья...
Только так победим,
только так одолеем напасть!
1995 г.

ГРАЖДАНИНУ
Твоя Россия... Думая о ней,
Уберегись искусов и обманов:
Одна молитва может быть сильней,
Чем целый митинг с сотней горлопанов.

«За Русь на бой!» – всё суета сует,
И суеуго души захлебнулись.
Одна молитва! Но молитвы – нет!
«На бой, за Русь!» – и снова обманулись.

Твой враг не там – не на коне с копьём
И не с мечом в открытом чистом поле,
Невидим он, его не взять живьём
Ни силою, ни криками «Доколе!».

Твой враг – раскол, далёкий, вековой,
И, если в душах нету единенья,
Ликует он, и тщетен подвиг твой
На попрание «российского спасенья».

Есть Вера, Бог, Отечество и ты!
Лишь это русских делает народом!
Решишь, уйди бесовской суеты,
Пусть даже «струсил» скажут мимоходом.

Уйди! И сам неистово молись,
Чтоб Бог вернул и Веру, и сплоченье.
Ни слёз, ни покаянья не стыдись
Во имя долгожданного спасенья.

Из всех краёв растерзанной земли,
Как нити золота,
полюются вверх молитвы,

Чтобы до Господа, до всех Святых дошли,
Прося благословенья правой битвы!

Тогда – сама собою встанет рать,
И будет вождь – один, одна – дорога,
Спасётся Русь... И пусть не будут знать,
Что ты всё это вымолил у Бога!
1996 г.

ВОЖДЬ
Печальны дни державного крушенья...
За что нам, Господи, такие времена?
Мы словно сироты, мы ищем утешенья,
мы ищем Родину... Но где теперь она?

Сгорел наш дом, дымятся головешки,
и погорельцы в ужасе молчат,
и стаи мародёров в спешке
унылые руины ворошат.

Сгорел наш дом – не сразу, не мгновенно,
сочился долго ядовитый дым,

а мы смотрели, и самозабвенно
всё спорили: мы светим? иль горим?
Обуглены и песни, и иконы,
труды отцов и дедов ордена,
и беззаконье стало нам законом,
и разгулялась пришлая шпана.

Споткнулась жизнь...
И я сидел угрюмый
в каком-то забытии иль полусне,
и все печали, страсти, страхи, думы
единой болью рвали сердце мне.

Я знал, что Бог Россию не оставит,
что, страшные мучения пройдя,
она воспрянет и себя прославит,
когда дождётся своего Вождя.

И глядя на мелькающие лица,
я помнил мысль пророческую ту,
что Вождь Росси должен появиться,
когда нам станет всем – немоготу!

И Он – пришёл! О Нём ещё не знали,
ещё не прекратился плач и стон,
но вдруг среди унынья в печали
раздался тихий колокольный звон,

и становясь всё радостней и краше,
он нас заставил головы поднять,
предзнаменуя избавленье наше
и возвещая Божью благодать!

Явился Вождь! Ни гнева, ни гордыни,
но меч в руке его сияет неспроста –
чтобы была земля моя отныне
на веки вечные от нечисти – чиста!

И горе вам, плясавшим здесь недавно,
кружившим свой бесовский хоровод!
Вы – пропадёте, сгинете бесславно...
Явился Вождь! Его призвал – Народ!
5.06.1997

Их знали Сталинград и Волга,
Да и Германия сама.

Их записали в нашу школу.
И вот мы ждали в первый раз:
Придут отчаянные шкоды,
Куда отчаяннее нас.

Пришли. За парты сели зади,
В зеленом с головы до пят,
Как будто ряд окопов занял
Замаскированный отряд.

И только празднично сверкали
Под жестким светом
строгих лиц

Нам недоступные медали
За штурмы западных столиц.

В нас зависть жалкая кричала.
И лишь спасало от тоски,
Что парни двойки получали
И по подсказке отвечали
Негромким эхом у доски,

Ходили в тайную курилку
И в болтовне, что мы вели,
Неуважительно «училкой»
Назвать учителя могли.

И все ж, когда у стен затертых,
Средь коридорной полутьмы,
Они стояли в гимнастерках
Тихи, подтянуты, прямые

И настораживали уши,
Кося в окошенный овал,
Как будто бы боясь прослушать
Приказ негромкий иль сигнал, –

То знали мы:
до школы шумной
Они уже прошли одну,
Где учат быть
готовым к штурму,
Не верить в эту тишину.

И мы их бережно толкали,
На кучу падая малу,
И только звякали медали
Под нашим братом на полу.

И тут они –
куда им деться –
Кидались в гуцу кутерьмы.
Ребята
возвращались
в детство.

К их славе приобщались мы!

К их славе приобщались мы...

СТАНЦИЯ ПРОЩАНИЯ

В ту зиму долгими ночами
Здесь паровозы не кричали.

От этих мерзлых стен полночных
К Москве, к Москве,
под вой пурги,
В суровых эшелонах срочных
Везли сибирские полки,

И эта станция прощанья
Для наших близких
той зимой
Сама казалась обещаньем
Беды и гибели самой.

Но как спокойно и сурово
Приказ короткий звал солдат!
Как твердо в избы по сугробам
Шагали женщины назад!

Здесь, в тыловой глуши таежной,
Я понял детскою душой,
Что на земле седой, тревожной
Есть Долг, как Родина, большой.

Защитник мой,
в снегах под Рузой
В сраженье пульей сбитый с ног,
Вернулся ль ты назад, безусый,
На станционный огонек?

Солдатка в темном полушалке,
Смогла ли ты сюда прийти
Встречать бойца на полустанке
В конце жестокого пути?

Я так хотел бы верить свято,
Что всех, ушедших в темь пурги,
Встречал родной перрон дощатый,
Он помнил давние шаги!

Но сорок семь солдат взяла
Война из моего села...

НОВОГОДНЯЯ ЁЛКА

В деревенском проулке,
В деревянном доме
Топот валенок гулкий,
Жарко, точно в Крыму.

Это в школе начальной
Водим мы хоровод –
В редкий час беспечальный
Новый празднует год.

Ёлка – нет ее краше,
Хоть и светит на ней
Многоцветье бумажек,
А не россыпь огней.

Мать в сторонке присела,
Как другие, тиха.
Грязь на ватнике сером
Да сениая труха.

Там, за дверью старинной,
За сиротской слугой,
За продutoй равниной,
За утробой тайгой,

Всем работу давая,
Отрывая от сна,
Ни на миг не стихая,
Все страдает война.

И такая в прорухе
За войною вина!

Андрей РУМЯНЦЕВ

К их славе приобщались мы...

Дед Мороз, как старуха,
Даже юбка видна!

И суйт-то он слепо
Детям слабой рукой
Только ломтичек хлеба –
Серый ломтик такой...

...Я не помню папашу,
Не скажу наперед,
Что на праздники наши
Он когда-то придет,

Но, как ёлочка, колкий,
Буду жить я, расти,
Чтоб о праздничной ёлке
Память долго нести,

Буду жить вместе с теми,
С кем меня не убить,
Жить и снежную землю
Вплоть до смерти любить!

СТОЯЛА ЗИМА...

Стояла зима,
и в нетопленом доме
Мы лезли на печку,
но жили кирпичи
Железом остылым
на этой раздольной,
Такой неуютной,
ненужной печи.

И мать,
натянув на меня теплогрейку,
Надев на себя
всю остатнюю рвань,
Пошла поискать
в буераках горелку –
Горелые сосны,
сухие дрова.

Я помню сугробы
меж сосен кудлатых,
И, в снег провалившись,
я полз, будто плыл,
И сосны ветвями
качали крылато,
Но тепло поднять
не хватало мне сил.

И в этом сыпучем плену обессилев,
Хотел я зарыться,
застыть, задремать.
Но к твердому насту
меня выносила

На слабых руках
терпеливая мать.

Под вечер,
в сугробах слепых увязая,
Брели мы,
как тени угасшего дня, –
Солдатка,
сонувшись под тяжелой вязанкой,
Вела,
спотыкавшегося,
меня.

И ныне я вижу:
сказось радость и муку,
Через разлуку
и через беду
Иду я,
держась за всесильную руку,
По белому снегу...
По жизни иду...

ПАРОХОД 1942 ГОДА

Плыл пароход
и под грохот осенней волны
Берег байкальский
тревожил гудком незнакомо:
«Эй, выходи!»
Я привез погорельцев войны –
Вдов и детей,
у которых ни scarба, ни дома».

Вал ледоломный
в торосы, как молот, стучал.
Лодку от пирса,
как щепку,
отбрасывал ветер.

Но принимал ребятишек
в охапку причал
И привечал матерей,
сердоболен и светел.

Этот в тужурку нагретую
кутал мальца.

Те ослабевших
к широкой скамье провожали.
Этот протягивал хлеб
и кусочек сальца.

Те предлагали
свои кацавейки и шали.

Мальчик, ровесник!
На зорьке холодного дня
В бешеной пляске волны,
в нестихающем плеске,
Может, тебе вдруг почудилась
пляска огня,

Дом твой накрывшего
в дымном далеком Смоленске.

Знаю одно:
на суровом Байкале село,
Дом, где на долгие дни
поселился ты вскоре,

Сделали все,
чтоб душе твоей было тепло,
Сделали все,
чтоб с тобой разделить твое горе.

Может, и я,
оставлявший в сугробах следы
И ожидавший утрами
тебя за порогом,
Давней зимою
тебя уводил от беды
По заметным
ночною пургою дорогам...

И возвратился фронтовик.
Он в дверь вошел нетерпеливо,
И закурился дом счастливо!
И свет упал на половики.

Солдат был солнышком просвечен.
Он обнял, поднял, взял на плечи
Всех малышей, кто был в избе,
И так стоять остался, вечен,
В моей мальчишеской судьбе!

СЫНЫ ПОЛКА

В наш городок сибирский, дальний
Полк на постой пришел с войны.
В нем был особый
взвод солдатский,
Наш брат бедовый – пацаны.

То были стреляные волки –
Сыны полка. Сойти с ума: